

Так же, как и раньше, во время перебива на обед, когда работал в 22 цехе, он сидит и рассказывает, увлекаясь с жаром и только иной раз недолго повернув ногу, с незажившей раной, остановится и от боли сожмет зубы.

— Не упоминай всего. Вот один эпизод. В резерве был, а в бой пошел с пулемётным расчётом.

Прорвали оборону немцев и пошли вперёд. А немец до деревни подпустил и уперся. Огонь открыл, головы не подынешь. Дали приказ обойти деревню. Пробрались мы с расчётом по болоту к окраине с фланга, установили пулемёт и ждём. Строем немцы идут в деревню, пополнение стало быть. Замерли мы, притаились, подпустили поближе.

Хорошо пулемёт работал. С одной очереди тогда человек полсотни фрицев сревали, а тем временем пехота подоспела, ворвались в деревню.

Крепко тогда гнали немца, без отдыха. Уставали люди, а отдыха не просили.

У большой реки враг пытался задержать нас. Сначала начал бить из тяжелой артиллерии, а потом и пулемётный огонь открыл. Командир батальона приказ дает идти в разведку. Пробрались мы с бойцами в овраг, наблюдаем, огонь сильный, а приказ надо выполнить. До деревушки, что на самом берегу стояла, с полкилометра было, а место голое, пробежать его надо.

Встал во весь рост, кричу товарищам: — Смотри, не бьют. Бегом!

Дружно поднялись. Пули свистят, у ног цокают, а мы проскочили, у домов залегли. Потом и до берега пробрались, окопались. Потерял видно противник из виду нас, сбавил немного огонь. Решил я на ту сторону реки перебраться. Отдал приказ разыскать плот или лодку, знаю деревня у реки, что-либо найдется. Через связного командира батальона доложил о своем решении, одобрил.

Верно, нашли плот. Дождали, темнеть стало, установили пулемёт и начали переправляться. Ребята гребут, а я у пулемёта. Тихо плыли, чтобы не обнаружил немец.

Не ждали видно нас фрицы. Добрались, стали вылезать на берег, заметили. Крепко дралась тогда. Хорошо, что выручили наши танки, его огонь подавили, а к нам

пехота стала перебираться. Сосредоточились, прорвали его оборону и снова гнать.

Ворвались наши на большую станцию, отстали мы с пулеметом. Идем по линии железной дороги, лейтенант навстречу,

приказ отдаст взять влево, впереди, говорит, немцы засели. Свернули в сторону, перебежали дорогу и в кювете укрылись. Пробираемся вперёд.

У станции высотка, установили на ней пулемёт. Обзор хороший, далеко видно. Рядом важное шоссе. По нему немцы отступают.

Двоим с тыла приказали наблюдать. И взяли мы тогда под свой контроль немецкую дорогу. Только сунутся, срежешь, заметались как угорелые и лезут под нашу пулю. Сколько уложили фрицев тогда, трудно сказать, за сотню перевалило. На другой день смотрели, много этой падали валялось.

До ночи вели огонь. Темнеть стало, второго номера спрашиваю:

— Яковлев, видишь немцев?

— Бей под корень деревьев, отвечает, — между деревьями перебегают.

Дал еще очередь. Вскоре батальон подошел.

— Ну, как, Шамшурин, — командир спрашивает, — пострелял?

— Пострелял, — отвечаю, — да патронов маловато стало, на случай только оставил.

— Молодец, — говорит, — к награде тебя представили.

Какая награда, в то время и не спросил. Не до этого было. На рассвете приказ — вперёд двигаться.

По радио командиру батальона сообщили: в лесу, что впереди, разведка обнаружила скопление противника, обозы. Взяли в объезд к лесу. Кругом рожь, день ясный. Метров четверта деревня. Побежал немец из леса в гору, в деревню. Окружения видно испугался. Дали мы тогда очередь по голове немецкого обоза на дороге и закупорили её. Забита дорога оказалась. Побросали немцы все и бежать. Заметили фрицы, начали пристреливаться. Решили мы на левый фланг в лес отойти. Метров полсотни осталось. Не помню как, разрывом мины отбросило в сторону, землей забросало, поднял голову, лежат товарищи.

— Живы? — спрашиваю.

— Живы, — отвечают.

Заскочили в лес и снова по дороге из своего «максима» строчить начали. Весь день работали. 17 человек в плен взяли, из лесу вышли, руки вверх, лопочут: «Гитлер капут». Утром пошли по дороге. Машины, повозки, все брошено и немцев побито, как шишек в лесу валяется.

Надо прямо сказать, рады, довольны мы были. Не верилось даже, что мы с пулемётом этих делов наделали.

Приехали из штаба дивизии, вызвали, все записали. Говорят: представляем к званию Героя Советского Союза.

Думаю, какой я герой, ведь так поступил бы на месте каждый патриот. И вот вызвали в военкомат, пакет дают, поздравляют....

Пакет был из части, в которой сражался Александр Яковлевич, с земли вражеской. В нем лежала выписка из Указа Президиума Верховного Совета о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

— Далеко, а нашли, заслужил видно, — проговорил он, подняв раскрасневшееся от волнения лицо.

Да, заслужил!

Ю. РЯБОВ.